

и, добросовѣтно проходя званіе, въ какое кто призванъ отъ Бога, довольствоваться своимъ состояніемъ. По заповѣди Христовой, будемъ заботиться о томъ, чтобы болѣе дѣлать добра ближнему, за которое не только душа, но и тѣло наше нѣкогда преобразится во образъ Христовъ. Во всѣхъ нуждахъ душевныхъ и тѣлесныхъ будемъ обращаться къ святому ученію Евангелія, какъ Слово живота и Свѣтильнику, озаряющему мрачный путь жизни нашей! Будемъ молить Преобразившагося Господа: *да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, моливами Богородицы, Светодавче, Слава Тебѣ!* (Троп. Празд.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по долгу любви христіанской, вознесемъ теплыя молитвы къ Милосердому Богу, да проліетъ Онъ Свѣтъ истиннаго Богопознанія на умы людей, уклонившихся отъ истины; да согрѣетъ оледенѣвшія сердца ихъ теплотою любви Евангельской; да обратитъ ихъ къ вѣрѣ и благочестію, заповѣданному Спасителемъ, *Который есть воистинну Отчее Сѣніе.* Аминь.

Семинарской, Спасопреображенской церкви протоіерей
Парменъ Смирновъ

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе) (*).

Православная Россія изстари представлялась и теперь является славянамъ именно тою обѣтованною землею, изъ которой должно выйти для нихъ спасеніе.

И подобное воззрѣніе на историческую миссію Россіи, т. е. какъ избавительницы и объединительницы всего славянства, было не только у образованныхъ людей славянскаго міра; но коренилось и въ самыхъ пародностяхъ славянскихъ, въ массѣ, которая какъ-бы чутьемъ угадываетъ своихъ друзей и недруговъ. Разительнымъ этому доказательствомъ—служать патриотическія Сербскія пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ—весьма знаменательная: „*Когда насъ услышитъ Богъ съ небеси и великая стѣжная Московія, то пусть идуть на насъ милліоны пародовъ, наша храбрая сила отразитъ ихъ и весь славянскій народъ познаетъ, какое у насъ богатырское сердце... Цѣлой Европы я не боюсь—пусть турки охватываютъ насъ своими крылами и ведутъ дружбу не только съ немцами, но и съ сильною Британскою королевою*—со всѣхъ странъ возстанетъ нашъ народъ и славянское знами

(*) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 1, 2, 19, 23 24, 26 и 32. 1879 г.

разовьется отъ Чернаго моря до Адриатическаго... Трѣпещи... Султаны въ своемъ Стамбулѣ... Когда дѣвъ листовъ одѣнется, то великій Царь Славянскій увѣнчаетъ дѣло Сербинъ“ (*).

„Россія, — восклицаетъ Хорватскій поэтъ (*Медичъ*), —

„Россія, — это сердце
Всей вселенной и славянства.

Тамъ хранится православье,
Тамъ законъ правдиво читается —
Все, чему Кириллъ — Меодій
Заставляли насъ учиться.

Тамъ почтютъ все надежды:
Тамъ славянская держава,
Что растетъ на зависть міру,
И грозна и величава“.

И точно, самый первый врагъ могущественной Россіи, а съ нею и всего православнаго славянства, есть именно *завистливый Западъ*, „потому-что нѣтъ другаго слова, которое-бы разомъ выразило всю эту совокупность вліяній, страстей, соглашеній враждебныхъ, замысленныхъ противъ Россіи“ (**). Въ этой незаслуженной ненависти, въ этой несправедливой злобѣ, невольна возбуждаемой Россіей и всѣми славянскими племенами, есть своего рода величіе и возбудительная сила, есть указаніе на наше особое призваніе въ исторіи. Этою ненавистью, этою злобою опредѣляются, такъ сказать, живыя границы и нравственные признаки Славянскаго міра въ Европѣ, мѣрой вражды ея измѣряется въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Пора, пора понять, что петляющій Западъ любитъ только своихъ, и чѣмъ сильнѣе въ насъ русскихъ, въ насъ славянахъ, народное чувство и самосозерцаніе, тѣмъ менѣе мы — свои Западу, тѣмъ сильнѣе его ненавидитъ. Она есть почетное свидѣтельство о нашей вѣрности свя-

(*) Это расцвѣтало въ началѣ 1876 г., зимой, когда деревья еще не одѣвались въ зелень. „Древи. и Нов. Россія“, 1877 г., № 2, стр. 193—197.

(**) Слова О. Тютчева. — Въ большой и самой распространеной Американской газетѣ „New York Herald“, въ палеатанн. отъ 28 апр. 1877 г. статья, между прочимъ говоритъ: „У Россіи есть обширныя земли, не заселенныя или на половину заселенныя и она развивается по частямъ. У Россіи есть великіе ресурсы, къ которымъ она еще не обращалась; не имѣя надобности захватывать ни одной лишней пяди земли. Россіи суждено становиться могущественнѣйшій изъ днѣ въ дѣнь, изъ года въ годъ. Благодаря естественному и здоровому росту, между тѣмъ какъ скученное населеніе Западной Европы не въ состояніи усиливать своего значенія, не прибѣгая къ захватамъ или къ закруженіямъ, въ родѣ объединенія Италіи или Германіи. Отсюда является немомѣрная зависть государствъ Западной Европы къ Россіи... Американскій народъ того мнѣнія, что зависть Европы къ Россіи неслѣдна“...

тому православію, нашимъ народнымъ началомъ и нашему историческому призванію. И современное состояніе Россіи, нынѣшнее благословенное царствованіе—Освободителя народа—Александра II, есть, можно съ увѣренностію сказать, тотъ великій моментъ, съ котораго долженъ начаться поворотъ въ русской жизни и великое служеніе русскихъ славянъ цивилизаціи міра.

Повѣялъ съ Руси новый духъ
Въ лицо Европѣ феодальной:
Она съ тревогой смотритъ вокругъ,
Съ тоской глядитъ на сѣверъ дальный.
Славянской міръ предъ ней стоитъ
Какой-то мглою не знакомой,
Откуда молнія блещитъ
И глухо раздаются громы;
И тамъ не видятъ очи ихъ,
Сквозь предразсудка вѣковаго,
Ни тучныхъ нивъ, ни водъ живыхъ,
Ни звѣздъ, ни солнца золотого!
Слѣдцы!.. Но пусть!.. *Пора придетъ—
Славянской міръ глаголъ свой скажетъ
И на источникъ нашихъ водъ
Имъ жажда лютая укажетъ...*
Быть можетъ, онъ лишь съ нихъ сотретъ
Слѣды стальной баронской лапы,
И небеса пмъ отожметъ
Но мимо булль громовыхъ шапъ!
О, братья! прочь съ очей покровъ!
Ужь міра новаго мерцанье
Влеститъ на насъ... въ средѣ враговъ
Уже тоска и колебанье... (А. Майкова.)

„Я предчувствую, говоритъ Петръ I-й, что Россіяне когда нибудь притѣдять самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ твердой и громкой славы“ (*). Наши дни, свидѣтели исполненія сихъ предсказаній перваго Императора Россіи, науки нѣкогда у насъ гостыи званія, теперь обрусьли и обсемянлились, какъ родныя... Здѣсь только является вопросъ такого рода: можетъ-ли вообще научная дѣятельность въ Россіи ограничиться только передачею знанія иноземнаго, наукъ отдѣльно взятыхъ въ ихъ безконечно-вѣтвящемся развитіи? Но найдеть-ли научная дѣятельность у насъ своей особенной задачи? На науки нельзя-же смотрѣть отдѣльно: каждая изъ нихъ, имѣя свою самостоятельную

(*). Голиков. Дѣян. Петра Велик., IV, стр. 372.

сферу изслѣдованія, въ общемъ характерѣ своемъ опредѣляется отношеніемъ, какое имѣетъ къ органическому союзу всѣхъ наукъ: а лишь только возведете вы науку въ этотъ высшій союзъ, то сей-часъ же увидите необходимость согласить его съ коренною, внутреннею основою человѣческой жизни народа, развивающаго силу познанія. Отсюда само-собою яснѣетъ новая задача: точнѣйшее опредѣленіе связи между наукою и православіемъ—у насъ, гдѣ корнемъ жизни стоитъ св. вѣра православная, этотъ безконечный предѣлъ знанія, не мертвящій его, но влекущій въ вѣчно-живую сферу духа. Здѣсь еще открывается задача другая, какъ слѣдствіе первой. Западъ превосходно разработалъ науки вещества и вообще природы естественной; но можно-ли то-же сказать о наукахъ духовной стороны человѣка? Эта сторона не оставел-ли еще покамѣтъ въ человѣчествѣ Америкою ожидающею славныхъ Колумбовъ—изъ земли русской!?. Послѣдніе опыты примѣненія метода естественныхъ наукъ къ изслѣдованію души человѣка, на Западѣ привели только къ большимъ недоразумѣніямъ. Православная вѣра, озаряющая міръ духовнымъ свѣтомъ истины высочайшей, можетъ здѣсь явиться благодатною помощницею науки. Ясно, что въ народѣ, въ которомъ *правословіе*—*истина міра духовнаго*, составляетъ главную основу жизни, гораздо болѣе задатковъ для того, чтобы яснѣе и правильнѣе уразумѣть этотъ міръ, нежели тамъ, гдѣ разумъ, вооружившись числомъ и мѣрою, могъ точнѣе испытывать ограниченные силы и явленія міра вещественнаго. Желательно только чтобы подъ верховнымъ бдительнымъ смотрѣніемъ святой Церкви и Царя православнаго, науки, обосновавшіеся на гуманнѣйшихъ началахъ вселенскаго православія, на Евангельскомъ законѣ и самоотверженной любви къ отечеству, обратились въ священннй залогъ благоденствія Руси святой.

Святая Русь! въ самомъ значеніи
Ей Промыслъ путь предуказалъ:
Не даромъ при ея крещеніи
Онъ ей то имя даровалъ.

Намъ явны изъ его глагола

Ея призваніе и судьба:

За Божій домъ, за честь престола,

За правду, жертвы и борьба,

Безукоризненная клятва,

И понечьемъ чистыхъ рукъ

О Возѣ зрѣющая жатва

Добра успѣховъ и наукъ,

Почетъ и власть въ земныхъ державахъ,

Духъ братства мира и любви,

И простота въ народныхъ нравахъ

И пламень мужества въ крови!..

Кн. Вяземскій.

Дай-же Богъ, чтобы просвѣщеніе наше было вполнѣ, такъ сказать, православное, отечественное, природное, отнюдь не чужеземное, пусть-бы изъ чужихъ источниковъ заимствовали мы не одну роскошь полупознаній, не одинъ блескъ холодный, но единственно то, что совмѣстно съ правилами святаго православія и что согласно съ духомъ правленія и народа... Что истинно полезно и благопримѣнительно, непремѣнно сохраняя изъ доброй старины своей то, что не противорѣчитъ разуму, что питаетъ доблесть народную, невольно вызывающую дань уваженія и удивленія и въ иностранцахъ, даже изъ враждебнаго намъ стана. Такъ на примѣръ, въ одной еженедѣльной Лондонской газеты помѣщенъ слѣдующій отзывъ о русскихъ воинахъ: „Настоящая война послужила къ славѣ русскихъ войскъ. Русскій воинъ доказалъ, что онъ также отваженъ въ атакѣ, какъ и твердъ въ оборонѣ. Кромѣ того онъ приобрѣлъ для себя и для отечества своего неувядаемую славу, доказавъ свою *человѣчность, скромность, воздержаніе и доброту характера—качества, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени.* Турки и ихъ друзья пытались выдумывать разнаго рода клеветы о мнимыхъ жестокостяхъ, будто-бы совершаемыхъ русскимъ солдатами. Теперь сказано, что все это ложь и что никогда еще ни одна непріятельская армія не вела себя лучше, чѣмъ русская при занятіи Болгаріи“. Враждебные Россіи люди слѣдили шагъ за шагомъ за каждымъ движеніемъ русскихъ войскъ и были бы весьма довольны, если-бы открыли и указали какое-либо нарушеніе чловѣческихъ правъ со стороны русскихъ. Но ни на поляхъ битвъ, ни въ лагеряхъ, они не могли указать ни одного факта, ни одного случая, за которые русскій воинъ могъ-бы устыдиться. Мы откровенно признаемъ, что не ожидали, чтобы русская армія выказала столько *улыренности и твердости, дѣйствительно достойныхъ величія того дѣла, которое она защищаетъ, и той благородной цѣли, которую она преслѣдуетъ*—освобожденіе христіанъ. Нѣтъ! Никогда Россія еще не выказывала себя столь великою, какъ въ настоящую войну. Самые враждебные порицатели ея должны теперь сознаться, что бывшіе пѣкогда рабами не употребили во зло дарованную имъ свободу... Еще разъ повторяемъ, русскій воинъ не только покрылъ себя военной славой, но и заслужилъ еще величайшія похвалы за свои *гражданскія доблести... и качества, которыми отличается русскій воинъ весьма драгоценны для просвѣтительныхъ стремленій чловѣчества*“ (*).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Константинъ Добросердовъ.

(*) „Вѣстн. Народн. Помощи“. 1878 г. № 27, стр. 6. „Дисциплинированные русскіе солдаты, говоритъ Лоримеръ (профес. Эдинб. универс.), испытали то, что никогда не приходилось испытывать солдатамъ другихъ просвѣщенныхъ націй. И я весьма боюсь за эти другія націи, что ихъ войска, какъ ни храбры они на поляхъ сраженія, не проявилъ-бы такого геройскаго равнодушія въ виду смерти, соединенной съ пытками и истязаніями „Совр. Извѣст.“ 1877 г., № 322, стр. 2.